

Идея конференции

После падения Константинополя (1453) и исчезновения Византии с карты Старого Света на рубеже XV–XVI в. в Европе складывается новая система политических, культурных и исторических координат. Начинают оформляться современные нации. Империя и Церковь не справляются уже со своей ролью универсальных гарантов *ordo christianus*, идея его единства постепенно утрачивает свою привлекательность, а Рим не способен оставаться его центром. Под влиянием секуляризации сознания западного человека в эпоху Ренессанса и вследствие Реформации общественные устои Европы подвергаются известной десакрализации. А после Аугсбургского мира (1555) *christiana communitas* покоится уже на иных принципах – *cuius regio, eius religio*. Отныне не моноцентризм и универсализм, но полицентризм и партикуляризм – главные опоры европейского мироздания в представлениях его интеллектуалов.

Но на Востоке Европы ситуация иная. Московское государство до конца XVII в. противится «латинству» и протестантизму, настаивает на собственной системе исторических и духовных координат, в которой именно она предстает хранительницей истинной веры. Православная церковь, а также государство и династия видят себя ее опорой и защитой. Россия легитимирует себя как сакральный центр.

А Русь/русь немосковская живет в другой среде – полиморфной, поликультурной, поликонфессиональной, поливекторной, – в условиях много большей религиозной толерантности, отличавшей Речь Посполитую. Оказавшись на несколько веков на распутье, а затем и вовсе став объектом политического, конфессионального и культурного противоборства, русь поставлена перед выбором. Ее поиск «своего» предполагает разные комбинации взаимосвязи и взаимодействия этнокультурного и конфессионального.

Нам важно понять, какую роль в интересующий нас период играла религия в самоидентификации руси. Зиждились ли ее новые

надрегиональные этнокультурные идентичности в первую очередь на вере? Или же по мере их становления религия как фактор самоидентификации руси отходит на второй план? Означал ли переход в другую веру смену этнокультурной идентичности? Провоцировала ли конфессиональная полемика поиски современного национального или же тормозила их? Как осмысляла (разная) русь место религии в поисках «своего»? Можно ли применительно уже к XVII–XVIII вв. говорить о складывании надконфессиональных этнокультурных общностей руси? *Natio* подчиняет *confessio*, или наоборот? Меняется ли (и если да, то как) соотношение национального и конфессионального в современном национализме восточных славян?

Особое внимание мы предлагаем обратить среди прочих на следующие аспекты заявленной нами темы:

- *confessio* и конфликт лояльностей
- род или: родственные связи? и *confessio*
- интеллектуальная элита и *confessio*
- *confessio* вера и вероисповедание? в лето- и историописании руси
- локальные, региональные и надрегиональные сообщества в условиях конфессиональной конфронтации
- святые и культы: их национализация
- *confessio* и язык руси